

№ 7 (225)
ИЮЛЬ

2015

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Высокопреосвященного Сергия, митрополита Барнаульского и Алтайского

К Алтайской Святине

фото Е. Мутовкиной

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСИЙ УМИНСКИЙ

Божественная Евхаристия

Все церковные праздники лишились бы смысла, если бы не существовало Пасхи. Потому что, если бы Христос не воскрес, то все остальные евангельские события могли бы рассматриваться лишь в историческом контексте, и другой ценности, кроме нравственной и культурной, не представляли бы. Мы говорим, что каждый христианский праздник принадлежит вечности, поскольку его духовно наполняет Пасха. Вечность присутствует в нашем времени, и мы становимся реальными соучастниками этого праздника.

То же самое можно сказать и о Литургии, возвышающейся над всеми иными богослужениями. Если бы не существовало Литургии, бессмысленно было бы вообще совершать какие-либо службы, потому что без Литургии отсутствует и Церковь как таковая.

Литургия как центр жизни христианина

Когда мы приступаем к святому крещению, во взрослом ли возрасте или в младенчестве, священник спрашивает у нас или у наших воспитанников: «А веруешь ли ты Богу? Сочетался ли со Христом?» И мы отвечаем, что со Христом сочетались и веруем Ему, как Царю и Богу. Так мы присягаем служить Господу.

Сразу после нашего ответа читается Символ веры, перечисляется то, во что именно мы веруем. В частности, в Символе веры есть и такие слова: «Верую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Что же это такое — веровать в Церковь? Мы же не исповедуем обязанность посещать храм по воскресеньям и праздникам, не обещаем Богу держать пост, исповедоваться и причащаться. Церковь для христиан — это не только место, где они общаются с Богом, потому что с Ним можно общаться в любом месте и в любое время. Веровать в Церковь — означает исповедовать, что она — есть Тело Христово, часть которой — мы с вами.

Апостол Павел так пишет об этом: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело» (1 Кор. 12: 12-13) и добавляет: «И вы — тело Христово, а порознь — члены» (1 Кор. 12: 27).

Отсеченная часть тела самостоятельно жить не может. Когда говорят о живом организме, имеют в виду единое и неделимое тело, в котором соединяется человеческое и Божественное. Церковь — это таинственное собрание людей, где происходит единение Бога с человеком, где рождается единый богочеловеческий организм.

Мы приходим в Церковь для того, чтобы стать ее частью, стать ее существом, ее естеством. Церковь делает нас

соприродными Христу, потому что мы являемся ее телом, а Он — ее Главой. При этом, как сказал новопрославленный сербский святой, величайший богослов Иустин Попович (1894—1978), сама Церковь — это Богочеловек Иисус Христос. Это мы со Христом.

В этом случае становится понятно, что просто присутствие человека в Церкви, просто исполнение каких-то внешних правил, просто знание определенных догматов явно недостаточно. Речь идет о жизненном пути, который православные называют верой.

Христос учит: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14: 6). То же самое можно сказать и о Церкви: Церковь — есть путь, истина и жизнь человека в вере, и в этом — смысл христианства.

Наконец, мы исповедуем не просто существование Бога. Наше упование заключается в том, что человек спасается в вечной жизни, соединившись с Богом. Жизнь вечная и есть пребывание в Боге, соединение с Ним и обожение человека, когда он сам становится богом. Вот в чем состоит истинный смысл христианской веры, если не прибегать к сложным богословским определениям.

Церковь делает нас соприродными Богу. Об этом апостол Петр писал: «Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благостию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1: 3-4). Эти слова составляют суть всех апостольских посланий: нам надлежит стать участниками Божественной Природы. О том же, хотя и несколько иначе, говорил и преподобный Серафим Саровский: «Нам надо стяжать Дух Святой».

Смысл христианской жизни состоит в том, чтобы на-

полниться Духом Святым, сделаться единоприродным с Господом, соединиться с Ним. Если это происходит, наше пребывание на земле становится осмысленным, а жизнь — по-настоящему духовной.

Значение Церкви в том и состоит, что по-иному человек не способен достичь Бога. Потому-то Христос и основал на земле Свою Церковь, через которую человек получает благодать, богопознание и богоприобщенность. Бог стал человеком во всей Своей полноте, а человек становится Сыном Божиим по благодати. Именно благодать делает его богочеловеком.

Только в Церкви человек становится богочеловеком, потому что Господь дарует нам возможность приобщаться Своей Плоти и Своей Крови. Это дается нам великим таинством Церкви, нашей жизнью в ней, потому что Сам Христос сказал: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7: 37).

Евхаристия в раннехристианской Церкви

Цель нашей беседы состоит в том, чтобы выяснить, насколько духовная жизнь христианина связана с Евхаристией. Возможно ли жить духовной жизнью вне Евхаристии, или причащаясь время от времени? Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо понять, чем была Евхаристия для раннехристианской Церкви, в каком состоянии пребывает наше богослужение сейчас и, наконец, разобраться, насколько каждый из нас понимает, что означает лично для него участие в Божественной Литургии.

Впервые Евхаристия была совершена на Тайной Вечере Спасителем перед Своими крестными муками. «Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26: 26-2). Господь заповедовал апостолам, а, вместе с ними и всем нам: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22: 19). Средоточием каждой Литургии и является воспоминание о той самой Тайной Вечере, которую мы проживаем, мистическим образом входя в вечность и являясь реальными участниками этого события.

В книге Деяний святых апостолов мы встречаем описание Евхаристии. Богослужения первых времен христианства, на которых совершалось причащение, назывались по-разному, но наиболее часто встречались названия «Преломление хлеба» и «Евхаристия». И сейчас для обозначения Литургии нередко используется слово «Евхаристия», тем более что сердцевиной Литургии является именно Евхаристический канон.

Апостолы собирались по домам вместе со своими учениками для того, чтобы преломлять хлеб. Первые христиане были традиционными иудеями и регулярно посещали Иерусалимский Храм вплоть до его разрушения в 70 году римским императором Титом. Практиковавшееся тогда богослужение все еще оставалось для христианских общин связующим началом.

Впрочем, несмотря на то, что богослужения в Иерусалимском Храме продолжались, Апостольская Церковь уже отделила себя от него, и собрания христиан постепенно переносились в общины, возглавлявшиеся апостолами.

Что представляли собой такие собрания? Письменного Евангелия в то время еще не существовало, но его устная форма уже сделалась составной частью Священного Предания. Апостолы рассказывали о Христе, «о том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и

что осязали руки наши» (1Ин. 1: 1). Этим бесценным опытом богообщения они щедро делились с новообращенными. Во время таких собраний апостолы повествовали об Иисусе, о Его Рождестве, Крещении и проповедях, о совершенных Им чудесах и о наследии, которое Он оставил.

Мы знаем, что после проповеди апостола Петра крестились сначала 3 000, а потом и 5 000 взрослых мужчин — весьма внушительные цифры по тогдашним временам, население целого города. Когда апостолы повествовали о Христе, это была Благая Весть, это было то, что потом записали четверо евангелистов, то, что впоследствии Церковь канонизировала как Священное Писание.

Для того чтобы обосновать свои утверждения, апостолы читали ветхозаветные пророчества, удостоверявшие, что Иисус — есть истинный Сын Божий, а каждому совершенному им действию соответствует предсказание в Ветхом Завете.

После этого читались послания самих апостолов уже основанным к тому времени общинам (мы говорим сейчас не о первых годах, но о первых десятилетиях христианства, когда апостолы, проповедуя миру Евангелие, прошли по всей земле, когда во многих крупных городах того времени они основали общины, составившие автокефальные, то есть административно самостоятельные Церкви). Церкви передавали апостольские послания из общины в общину как драгоценные свидетельства Истины.

Только после того, как вся община напитывалась словом Божиим, должно было явиться иное Слово — Слово воплощенное. До сих пор мы называем первую часть Литургии, Литургию оглашенных, Литургией Слова. Но слово — это не только средство выражения человеческой мысли. В Священном Писании Слово назван Сам Бог!

Апостол брал принесенные хлеб и вино и в воспоминание о Тайной Вечере совершал Евхаристию, благодарение. Он читал благодарственные молитвы за всю милость, которую Господь ниспослал миру, и прежде всего за те благодеяния, которые совершились на глазах самих апостолов: как Бог воплотился и ходил по земле; как Он взял на Себя грехи всего мира, пошел на крест и искупил Своим страданием все человечество; как Он воскрес, вознесся на небеса и ниспослал Духа Святого на Своих учеников.

Евхаристическая молитва включает и благодарение за творение мира, за спасительный Промысл о нем и за дарование Второго Страшного Пришествия и вечного Царства. То есть апостольское благодарение всегда соотносилось с вечностью, включая в себя как воспоминание о том, что уже произошло, так и свидетельство о том, что есть, и пророчество о том, чему надлежит свершиться.

Апостол просил Духа Святого прийти в общину святых, освятить принесенные Дары — хлеб и вино и претворить их в истинные Тело и Кровь Христовы. И в наши дни Церковь приносит благодарение за Дары Духа Святого.

После этого разламывался хлеб и раздавался всем присутствующим. Люди подходили к Чаше и причащались тому же Слову, но уже не произнесенному, а воплощенному, и все становились этим Словом. Именно поэтому в Деяниях святых апостолов сказано: «И слово Божие росло» (Деян. 6: 7).

Возвращаясь домой с евхаристического собрания, каждый христианин был словом Божиим, обращенным к миру. Именно поэтому Церковь стала называться Апостольской.

Продолжение следует

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

МИТРОПОЛИТ ЛИМАСОЛЬСКИЙ АФАНАСИЙ

БУДЬТЕ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНЫ ДРУГ К ДРУГУ!

А хотел бы поговорить об одной человеческой болезни — грубости характера. Многие отцы Церкви особо отмечали этот недостаток, потому что грубость — это отсутствие любви. А отсутствие любви — это отсутствие духовной жизни или ее ложная направленность.

Христианину нужно приобрести сердце кроткое и любвеобильное. Мы можем внешне вести себя вежливо и учтиво, но вежливость эта может быть жесткой, мертвой. Эта вежливость будет просто обходительностью и приобретенным навыком поведения. Мы, монахи и христиане, не придаем светской внешней вежливости очень большого значения. Человек может не знать внешнего этикета: например, как войти в какой-нибудь аристократический дом, как себя там вести и держаться, как пользоваться всевозможными столовыми приборами, — и при этом обладать редким душевным благородством и тонкостью.

Я знал одного монаха-отшель-

ника, который 40 лет не выезжал со Святой Горы. Как-то его навещил один знакомый, взяв с собой своего пятилетнего сына. Отшельник 40 лет не видел маленьких детей. Как только он увидел ребенка, он воскликнул: «Господи, помилуй!» Он очень долго смотрел на мальчика и потом проговорил: «Надо же! Какой маленький! Первый раз за 40 лет вижу здесь ребенка!» Он осмотрел его голову, лицо, ноги, руки. «Какая маленькая голова, какие маленькие ножки и ручки!»

Единственным малышом, которого он видел за всё это время на Афоне, был Младенец Христос на руках Богоматери.

Можно было бы предположить, что такие монахи-отшельники должны бы совсем одичать в одиночестве или потерять способность общаться.

Но мы видим нечто противоположное. Многие преподобные отцы Церкви писали в своих творениях о внимательности в отношениях с ближним, они тщательно следили за собой,

чтобы каким-нибудь образом не обидеть брата. Вот, к примеру, авва Дорофей пишет, что человека можно обидеть не только словом, но даже и одним презрительным взглядом.

Вежливость подвижников проистекает из уважения к человеку как образу Божию, в ней абсолютно нет чего-то искусственного

Если кто-либо из вас видел когда-нибудь подлинно духовных людей, то помнит, насколько вежливы и благородны они, и эта их вежливость проистекает из уважения к человеку как образу Божию, в ней абсолютно нет чего-то ложного, искусственного.

Я встречал подвижников, и они горели любовью к людям. Какую внутреннюю свободу они имели! Какая тонкость, какое внимание, какая уважительность были в их поведении. И, наоборот, человек грубый и резкий совершенно не следит за своими действиями. Он даже может не заметить, что своей грубостью неприятен собеседнику.

Святые же имели такую тонкость и мудрость, что были способны без давления помочь человеку осознать соделанную им ошибку. Я вам приведу пример.

Однажды на Афон приехал человек, который ненавидел своего отца. Он пошел на исповедь к одному старцу и открыл ему это. Старец спросил его: «Почему же ты ненавидишь собственного отца?» — «Потому что наша мать смертельно больна, она, может быть, скоро скончается; у моей сестры проблемы с мужем; брат мой стал употреблять наркотики, каждый день уходит из дома и бродит по улицам в поисках дозы, — а мой отец вместо того, чтобы заниматься нами, связался с какой-то женщиной. Целыми днями он говорит с ней по телефону или же пропадает у нее дома. И если он когда-нибудь соберется пойти в магазин, то уходит до вечера, а мы его ждем с покупками. Я его уже предупредил, что выставлю из дома. Дом принадлежит мне, так что пусть убирается к этой женщине или куда хочет! У нас в семье столько проблем: больная мать, сестра на грани развода, брат наркоман, а он целыми днями пропадает и ничем не интересуется!»

Старец сказал ему следующее: «И тебе не жалко своего отца, если ты собираешься прогнать его? Я

думаю, что отец твой в глубине души не такой уж и плохой человек. Видишь ли, в чем дело: видимо, он не выдержал свалившихся на него проблем и нашел для себя у этой женщины временное утешение. Янисколько его не оправдываю. То, что он делает, является тяжелым грехом. Некоторые слабые души ищут утешения в вине, некоторые в наркотиках, а твой отец пытается уйти от домашних проблем таким образом. Надо постараться понять его и найти способ помочь ему.

Я думаю, если ты будешь действовать с любовью и молиться о нем, то Господь просветит тебя, как ему помочь».

Старец помог молодому человеку избавиться от ненависти к отцу, мучившей его долгие годы, и дал ему увидеть, что его отец сам запутался и нуждается в помощи, понимании и поддержке.

Я вам приведу еще один пример, чтобы мы никого не осуждали. На Святой Горе жил один русский монах. Этот монах выпивал. Иногда его под руки доставляли в его келью. Миряне, видя его пьяным, смеялись над ним. Картина, и правда, была соблазнительная: приезжал автобус, паломники высаживались на площади в Карее и видели, как какой-то монах еле стоит на ногах.

Однажды мы пошли к старцу Паисию и рассказали ему об этом.

— Не соблазняйтесь! — сказал он. — Этот монах добродетельный. Но знаете, в чем тут дело? Он стар, живет один, все им гнушаются, позаботиться о нем некому, а зимы в Карее холодные, дров же у него нет, и печь он не топит. Чтобы согреться, он пьет ципуро (это виноградная водка). Рюмку, вторую, третью... И пьянеет. Со временем это вошло у него в привычку. Надо относиться к немощам братии с сочувствием, молясь об их исцелении.

Действительно, всё было так, как нам сказал старец Паисий. Наш игумен пожалел этого монаха и взял его в монастырь, чтобы присматривать за ним, так как он уже был не в состоянии себя обслуживать.

Так вот, этот старчик провидел свою смерть. В субботу, проходя через монастырскую больницу, я увидел его.

— В понедельник я умру!

— Когда?

— В 10 часов утра по византийскому времени, во время вечерни. И скажи моему послушнику в Ивионе, чтобы он тоже готовился к смерти: мы с ним умрем в один день.

— Старче, мне, что, позвонить ему и сказать, что он умрет?

— Да нет же! Скажи ему, чтобы он пришел попрощаться со мной, я преподам ему последнее благословение.

Я позвонил его послушнику, румыну по национальности, и сказал ему то, что мне передал его старец. Он пришел в монастырь через несколько часов. Старец обнял своего послушника, и они взаимно попросили прощения друг у друга. В субботу старец исповедался и в воскресенье причастился.

В понедельник я навестил его в больнице. Я подошел к нему и спросил:

— Старче, когда ты уходишь от нас?

— Пока что еще рано, я уйду в 10 часов.

Во время вечерни я снова проведал его. Он лежал в кровати, его душа уже покидала тело. Вдруг он открыл глаза и сказал:

— Вот идет Богородица!

И с этими словами на устах скончался.

Его душу забрала Сама Богородица! Видите, каков суд человеческий и каков Божий!

Понимаете?! Его душу забрала Сама Богородица! Видите, каков суд человеческий и каков Божий!

И еще один подобный случай я видел на Святой Горе. Это было с одним старчиком-простецом. Как-то раз, когда все монахи вышли из храма и мы остались в церкви одни, он сказал мне:

— Завтра среда, потом четверг, потом пятница, а в понедельник отец Филипп «уезжает».

Он был родом из Малой Азии и сказал это слово по-турецки. Я спросил его, что это значит. Он ответил:

— Это значит, что я умру!

В четверг и в пятницу он не пришел в храм. Чтобы дойти до храма, ему требовалось много времени. Обычно он заранее медленно, по-старчески шел в храм. Так как он уже отсутствовал два дня, я пошел навестить его в его келье. Стучу в дверь — ответа нет. «Ладно, зайду попозже», — подумал я. На следующий день снова стучу в

дверь — ответа нет. Стучу в окно, громко зову его по имени — тишина. Тогда мы пошли к игумену спросить, что нам делать.

— Ломайте дверь! Похоже, что он скончался! — сказал игумен.

В субботу мы, молодые монахи, собрались возле его кельи, чтобы выломать дверь. Дверь была заперта изнутри. Раз, два, три — дверь слетела с петель. Входим внутрь: старец, изможденный, сидит перед иконами, облаченный в схиму, держа четки в руке. Он повернулся к нам и сказал:

— А ну-ка все вон из кельи.

Мы стали упрекать его за то, что он не открывал нам дверь.

— Почему я должен сегодня открывать вам дверь? Я же тебе сказал, что отойду в понедельник, а сегодня еще только суббота. Так что уходите.

Мы вышли из кельи и попросили брата-столяра срочно починить дверь. И действительно, в понедельник этот монах преставился.

Эти старчики и подобные им подвижники были совсем неизвестны миру, многие миряне смотрели на них через призму собственных представлений, зачастую превратно толкуя их действия. Эти старцы имели с Богом совершенно другие отношения, и за их веру и простоту Господь открыл им время их исхода из этой жизни. И самая смерть стала для них успешием.

Этими примерами я хотел показать вам, что благодать Святого Духа освящает этих подвижников от макушки до пят, просвещая их. Человек, обновленный Святым Духом, становится совершенным, насколько может стать совершенным человек. Он становится духовно вежливым, приобретает рассудительность в действиях и правильные отношения с людьми.

Поэтому, дорогие, нам необходимо читать жития святых. Разбирать примеры из их житий: как они вели себя с другими людьми? Нам необходимо учиться у них искусству преодоления больших и малых трудностей сей жизни, искусству самоотверженности.

Святые были очень решительными людьми, они с помощью Божией превзошли самих себя, исцелились от последствий живущего в них греха и по обновлении их Святым Духом соделались новыми людьми, такими, какими их создал Бог.

Православие. ру

Преподобный Оптинский старец Амвросий

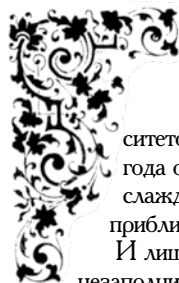
К числу оптинских незабвенных подвижников, много сделавших для нравственного воспитания русского народа, принадлежит отец Амвросий, старец иеросхимонах, почивший 10 октября 1891 года. 10 июля — обретение мощей преподобного.

Казалось, что в отце Амвросии разом воплотились все лучшие стороны потрудившихся до него старцев.

Во всяком случае, он был таким удивительным, светозарным явлением, в его образе было столько обаятельной силы, что достаточно было только увидеть его, чтобы испытать невыразимое счастье.

Память отца Амвросия не исчезнет. Он как бы жив для тех, кто его знал, и эти рассказы о нем, удивление той безграничной любви, которая жила в нем и грела страдающее человечество, это светлое впечатление праведного человека перейдет от отцов к детям, из поколения в поколение.

Очерк известного духовного писателя XIX века Евгения Поселянина о преподобном Амвросии — уникальный портрет старца, сделанный его современником.

Эпоха, в которую я познакомился с о. Амвросием, была самой счастливой порой моей жизни. Это было переходное время от отрочества к юности, на которую он бросил какой-то тихий, мягкий отсвет.

Я увидел его в первый раз в лето между гимназией и университетом; он умер, когда я был на последнем курсе. Я не сознавал за эти четыре года общения с ним, как много он для меня значил, и только, бывая у него, наслаждался всей душой тем обаянием, которое шло от него на всякого человека, приближавшегося к нему.

И лишь тогда, когда его не стало, я понял, чем он был для меня и какое пустое, незаполнимое место в моей жизни оставляет его уход. Моя встреча с ним была случайностью — говоря мирским языком, была незаслуженной милостью Божьей — говоря языком веры.

Я не только не стремился к нему, когда в первый раз услышал о нем, но даже отнесся к нему с непонятной враждой и озлоблением.

Я совершенно не был подготовлен к такой встрече и не имел ни малейшего понятия о том явлении, какое представляет собой старчество. С ранних лет меня влекло к себе христианство, и те немногие святые, о которых я с детства знал, возбуждали во мне самое искреннее восхищение, особенно же преподобный Сергей и митрополит Филипп. И чем дорожее были мне такие люди русского прошлого, тем горячее мне хотелось видеть воплощение таких типов в современной жизни.

В Москве, где я тогда жил, ходили слухи о независимом характере и прямоте тогдашнего митрополита Иоанникия, и это мне чрезвычайно нравилось. А кроме того, я видел, как он не жалел себя для службы и как любил простой народ, и так как говорили о его строгой жизни, — все это заставляло меня относиться с особым чувством, близким к восторгу, к этому человеку, и я любил бывать на его величественных богослужениях, во все время их созная, что предо мной настоящий архиерей Божий.

Точно так же инстинктивно хотелось мне видеть и настоящего монаха, который бы проводил жизнь в действительных подвигах, который ими бы дошел до такой степени, чтоб быть «во плоти ангелом», небесным человеком, чтоб в нем сияли великие дары благодати, чтоб он был живым доказательством того потустороннего мира, который мы принимаем на веру, чтоб он любил народ и чтоб народ знал его, ходил к нему и получал от него все нужное для души.

Мне хотелось, чтоб этот монах жил в бедной деревянной келье, в лесу, а не в каменных палатах богатой обители. Мне всей душой хотелось найти такого инока,

ИЗ ПОУЧЕНИЙ СТАРЦА АМВРОСИЯ ОПТИНСКОГО

Мы должны жить на земле так, как колесо вертится: чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремится вверх. А мы как ляжем на земле, так и встать не можем.

Ехал мужик по базару, вокруг него толпа народу, говор, шум. А он все на свою лошадку: «Но-но! но-но!» Так поменьку, полегоньку проехали весь базар. Так и ты, что бы ни говорили помыслы, все свое дело делай: молись!

Один все грешил и каялся — и так всю жизнь. Наконец покался и умер. Злой дух пришел за его душой и говорит: «Он мой». Господь же говорит: «Нет, он каялся». — «Да ведь, хотя каялся, и опять согрешал», — продолжает дьявол. Тогда Господь ему сказал: «Если ты, будучи зол, принимал его опять к себе после того, как он Мне

каялся, то как же Мне не принять его после того, как он, согрешив, опять обращался ко Мне? Ты забываешь, что ты зол, а Я — благ.

Грехи — как грецкие орехи. Скорлупу расколешь, а зерно выковырять трудно.

Побежишь от волка, нападешь на медведя. Остается одно — потерпеть и подождать, внимая себе и не осуждать других, и молясь Господу и Царице Небесной, да устроит о тебе полезное, якоже Им угодно.

Один не верил в Бога. А когда во время войны на Кавказе пришлось ему драться, он в самый разгар сражения, когда летели мимо него пули, пригнулся, обнял свою лошаду и все время читал: «Пресвятая Богородица, спаси меня». А потом, когда, вспоминая об этом, товарищи смеялись над ним, он отрекся от своих слов. Лицемерие хуже неверия!

Божьего человека. Уже тогда идея монашества была мне очень дорога. Мне очень не нравились оказываемые монахам знаки внешнего внимания, например целование рук.

Именно с этой стороны я и возмутился против о. Амвросия, когда в первый раз услышал о нем. Тот человек, который рассказывал об Оптиной, упомянул, что перед тамошними старцами обыкновенно становятся на колени, и вот эта именно подробность и возмутила меня. Чувство прямой враждебности и озлобления с той минуты поселилось во мне к дальнему старцу оптинскому и жило вплоть до той минуты, когда я его наяву увидел.

Я гостил в деревне у своей тетки, когда один ее родственник, человек с очень разнообразными интересами, которого я не считал серьезным и основательным, уговорил ее отправиться в Оптину, как бы пикником.

Его оптинские впечатления, передаваемые им вперемешку со столичными сплетнями и веселыми анекдотами из его нескончаемых заграничных путешествий, не могли возбудить во мне интереса к этому монастырю.

От него-то я услышал в первый раз имя старца. Он же уверял, что старец этот прозорливый, т. е. знает разные тайны, о которых никто ему не говорил, он также рассказывал, что к нему ходит очень много народа, что его весьма уважают и даже становятся перед ним на колени. Тогда мне казалось, что старец этот — какой-нибудь ловкий лицемер с репутацией, раздутой богомолками, и, хоть некоторые вещи в словах рассказчика, которому я вообще мало верил, как-то помимо моей воли интересовали меня, я старался не поддаваться тому влечению и уверял себя, что, конечно, не найду в нем ничего особенного.

Мы собрались ехать в Оптину не ради старца и не ради Оптиной. Она была лишь конечным пунктом интересной и оригинальной самой по себе поездки. Мы приехали в Оптину в ночь на 15 июля. Я помню досель все подробности этого путешествия: остановки на постоялых дворах, ночи в езде, преддвухдневный холод, всю неизъяснимую прелесть этих дней,

Змея, когда нужно ей переменить старую свою кожу на новую, проходит через очень тесное, узкое место, и таким образом ей удобно бывает оставить свою прежнюю кожу. Так и человек, желая совлечь свою ветхость, должен идти узким путем исполнения евангельских заповедей. При всяком нападении змея старается оберегать свою голову. Человек должен более всего оберегать свою веру. Пока вера сохранена, можно еще все исправить.

Если кто тебя обидел, не рассказывай никому, кроме старца, и будешь мирна. Кланяйся всем, не обращая внимания, отвечают ли тебе на поклон или нет. Смиряться надо перед всеми и считать себя хуже всех. Если мы не совершили преступлений, то, может быть, потому, что не имели к тому случая — обстановка и обстоятельства были другие. Во всяком человеке есть что-нибудь хорошее и доброе; мы же обыкновенно видим в людях только пороки, а хорошего ничего не видим.

Нужно заставлять себя, хотя и против воли, делать какое-нибудь добро врагам своим, а главное, не мстить им и быть

проведенных среди природы, и постоянно сменяющихся пейзажей.

Помню, как остановились мы у перевоза через Жиздру, на берегу которой расположена Оптина; как ямщик звал паром, как откликнулся монах-перевозчик, и послышался тихий плеск воды под приближавшимся паромом, а Оптина в лучах луны на темном фоне соснового бора таинственна была там, за рекой, на высоком берегу, точно стремясь в небо своими высокими, большими башнями, высокой белой колокольней, белыми воротами и белыми стенами. Мы прожили в Оптиной несколько дней, не видя старца, хотя и ходили к скиту, чтоб посетить его как монастырскую достопримечательность.

В эти дни сама Оптина произвела на меня сильное впечатление. Это было что-то совершенно незнакомое мне раньше. Тут действительно был подвиг. Монахи были все на молитве и на тяжелых послушаниях. Все они непременно в полном составе присутствовали на всех продолжительных богослужениях.

Не было не только какого-нибудь величания, гордой походки, все, наоборот, имели тихий, смиренный вид, при встречах между собой и с мирянами ласково кланялись; и главное — я невольно почувствовал во всех, от седовласых, еле передвигающих ноги старцев до самых молодых послушников, глубокое религиозное убеждение, искреннее усердие к своему монашескому званию и постоянное сознание того, что они находятся перед очами

Божьими.

Раз весь монастырь был таков, и неведомый старец представлялся нам теперь иным. Но меня раздражало, как это он нас не принимает, между тем как настоятель монастыря не раз посылал к нему сказать о нас. Уже назначен был день нашего выезда, настал канун этого дня, а мы все еще не видали старца.

Но вечером я с моим троюродным братом, который совершенно не интересовался религией и обыкновенно подсмеивался над моим интересом к духовным предметам, побывал в домике старца, и опять безуспешно. Зашли к жившему в скиту очень интересному человеку, происходившему из старинной поме-

сторожным, чтоб как-нибудь не обидеть их видом презрения и унижения.

Когда тебе досаждают, никогда не спрашивай, зачем и почему. В Писании этого нигде нет. Там, напротив, сказано: «Если кто ударит тебя в десную ланиту, обрати к нему и другую. В десную ланиту на самом деле ударить неудобно. А это разуметь нужно так: если кто будет на тебя клеветать или безвинно чем-нибудь досаждать, это будет означать ударение в десную ланиту. Не ропщи, а перенеси удар этот терпеливо, подставив при сем левую ланиту, т. е. вспомнив свои неправые дела. И если, может быть, ты теперь невинен, то прежде много грешил. И тем убедишься, что достоин наказания.

Всегда лучше уступать. Если будешь настаивать справедливо — это все равно, что рубль ассигнаций, а если уступишь — рубль серебром.

Как ни тяжел крест, который несет человек, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца.

щичьей семьи и обладавшему большими способностями к живописи. Этот седовласый старец с выразительным лицом удивительно глубоко и блестяще говорил о внутренней жизни и христианстве.

Мы находились около его утопавшего в ветвях яблонь домика, как заметили движение по скитским дорожкам, и он сказал нам, что о. Амвросий вышел из своей кельи и, что теперь самый удобный случай подойти к нему.

Не знаю, переживал ли я когда-нибудь такое чувство напряженного внимания, как то, с которым подходил я к старцу. Шедшие около него монахи — я не заметил, вероятно, келейники — усиленно указывали ему на нас.

Передо мной был очень-очень старый человек, опиравшийся на палку с концом, загнутым крючком, в ватном толстом подрыльнике, в теплой мягкой суконной камилавке.

Я сразу почувствовал в нем что-то необыкновенное, но держал себя, так сказать, в руках и внушал себе: «Пусть все думают, что ты замечательный человек. Для меня это все равно, и я сам хочу рассмотреть, что в тебе есть. Ты для меня еще никто».

С этим сложным чувством какого-то удивления перед ним и этой строгой рассудительности стоял я перед старцем. И как я понял в тот же день, он прекрасно чувствовал мое настроение. Он молча благословил нас обоих, ничего нам не сказал, ни о чем нас не спросил и прошел дальше, как будто мы были какое-нибудь пустое пространство. Я тихо пошел за ним.

К нему приблизился высокий, здоровый простолудин и сказал ему:

— Я, батюшка, рабочий. На заработки в Одессу собрался. Благоволите туда ехать.

О. Амвросий мгновенно ему отвечал:

— Нет, в Одессу не езди.

— Батюшка, — настаивал тот, — там заработки хороши и всегда руки требуются. Там у меня знакомые.

— Не езди в Одессу, — твердо повторил старец, — а поезжай в Воронеж или Киев.

Потом он удалился с этим человеком от большой дорожки на боковую тропинку, беседуя о чем-то наедине. Я был поражен... Как он это знает? Отчего он так быстро и прямо решает? Старец пошел дальше, я следовал близ него. К нему подходили еще люди, и он всякому отвечал. Недалеко от его домика ждала его кучка крестьян, имевших вид настоящих пахарей, вовсе не тронутых городским лоском.

— Мы костромские мужики, — сказал ему один из них.

— Прослышали, что у тебя ножки болят, так вот тебе мягонькие лапотки и принесли. И они подали старцу какие-то тонкие валеные сапоги. Я не забуду ласковой улыбки и выражения благодарности, которые осветили в ту минуту лицо старца. И в ту же минуту как бы спала перед моими глазами завеса, мешавшая мне видеть старца.

Разом в моем мозгу пронеслись какие-то давние мечты — лесной скит, светлый старый ласковый монах, в ореоле святости, народ, идущий к нему со всех концов... Ведь я этого так ждал! Тут был приотвешенный в старом суровом бору скит, маленькие белые домики под вековыми соснами, этот старец с тихими словами, видящий что-то невидимое нам, и народ со всем простодушием своей теплой к нему любви и безграничного к нему доверия. «Так это сбылось! — прожгла мой мозг счастливая мысль. — Все это тут!»

И радостный, счастливый, обновленный, я стоял, любясь на старца. А вокруг был ясный ласковый вечер русского лета, и старые сосны вели меж собой серьезный разговор, безмолвные свидетели этой новой минуты человеческого счастья, пережитого уже здесь столькими людьми нескольких поколений, а о. Амвросий тихо улыбался костромским мужикам с их мягонькими лапотками.

В совершенно ином настроении, чем в первый раз, подошел я теперь опять к старцу. Душа моя была полна какой-то детской доверчивости к нему и радости, и я точно говорил сам в себе: «Ну, теперь смотри на меня; вот я весь, как есть, перед тобой. Хочешь — заметь меня и посмотри, сколько во мне дурного. А не заметишь, значит, я недостойн, чтоб ты смотрел на меня». Старец взошел на крылечко и, опираясь рукой на перильца, обернулся лицом к нам. Я стоял против него, впившись в него глазами, но ничего не говорил ему. Он приветливо спросил у моего троюродного брата, где он учится, и сказал ему, чтобы он продолжал свои занятия. Затем он спросил у меня:

— Веруешь ли в Бога, во Святую Троицу?

— Кажется, верую, — отвечал я, — кажется, могу сказать, что верую.

Тогда он прибавил:

— Никогда ни с кем не спорь о вере. Не надо. Потому что никому ничего не докажешь, а сам только расстроишься. Не спорь.

По страницам книги
«Старец Амвросий. Праведник нашего времени»

С. Ивлева. Преподобный Амвросий Оптинский.

МАРИНА АЛЁШИНА

В гости к батюшке Амвросию

Притчи преподобного Амвросия Оптинского

Про жука

ВЕСТИНИЧЕК

Ресёлое солнышко согревало лучами землю: леса, луга и поля. И всем-всем хватало его доброго тепла. На зелёный листок приземлился жук. Ему тоже было радостно,

светло и тепло. Он был весьма доволен собой.

Вот сидел он, сидел, грелся на зелёном листке, да и решил:

— Я везунчик! Вон как ловко летаю и как здорово в жизни устроился!

С этой мыслью расправил он крылышки и полетел. Летит и жужжит:

— Все мои луга! Все мои поля!

И думает: «Я сам себе хозяин? — как у меня всё ловко выходит!»

Вдруг чувствует жук: ветер становится всё сильнее и холоднее, солнышко спряталось, а небо заволочло тучами. Дунул злой ветер по сильнее и сбил жука на землю.

Забился он под листок, дрожит от холода и шепчет холодному ветру:

— Не спихни!

Вот и вся история про жука.

Закончив свой рассказ, батюшка Амвросий прибавил:

— Когда человек счастлив, он думает, что сам всё может и умеет. А на самом деле это не так.

И тогда Господь жалеет его и для его пользы устраивает, чтобы он, как жук, посидел под листком, поёжился, смирился и вспомнил, что всё-всё, что у нас есть, подаёт нам Господь.

Сила молитвы

Жил-был один человек, который очень любил Бога.

А потому старался сделать все, чтобы угодить Ему.

Он чувствовал, что сам, без помощи Божией, ничего сделать

не может и всегда произносил молитву Иисусову:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Жил он один со своим учёным говорящим скворцом.

Конечно, сам скворец говорить не умел, но зато умел повторять то, что слышал.

Целыми днями сидел скворушка и смотрел в окошко из своей клетки на Божий мир.

Хозяин его всё повторял и повторял молитву, вот скворушка её и запомнил.

Однажды солнечным деньком, когда клетка была открыта, так захотелось скворушке вылететь за окошко, на вольный воздух, размять крылышки и на солнышке погреться!

Соскочил он с жёрдочки, перепорхнул на стол, со стола — на подоконник, а с подоконника вылетел в окошко.

Только набрал он высоту, откуда ни возьмись — хищный ястреб.

Стрелой летит он на скворца, вот-вот настигнет!

Тут скворушка так сильно испугался, что громко произнёс молитву, которую он часто слышал от своего хозяина: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»

И вдруг хищник-ястреб, не долетев до скворушки, отскочил от него, как от огня, и улетел восвояси.

Вот сила молитвы! Даже молитва, произнесенная птицей, не понимавшей её, спасла от беды!

Из книги «В гости к батюшке Амвросию»

Мой первый – семнадцатый Крестный ход в Коробейниково

Сегодня – сороковой день по окончании Крестного хода. Уже – сороковой! Пока я была, шла, жила Крестным ходом 8 дней, в голове постоянно мелькала мысль: записать, не забыть то, что я видела, слышала, чем дышала, о чем страдала и переживала все эти благодатные дни. Кому это передать – не знала, но что записать я это была обязана, понимала точно. Уж очень необычной была эта прожитая мною неделя, самая значимая (это сейчас я точно понимаю!) за все прожитые мною 46 лет земной жизни.

Итак – 28 июня 2015 года.

О крестных ходах я много читала, слышала, даже сама побывала в 2008 году в Коробейниковском крестном ходу, прошла полностью первый день до Шадрино. Пошла тогда без благословения священника, вдохновленная, без преувеличения, подвигом моей родственницы, рабы Божией Н., прошедшей без малого 90 дней до Москвы храма Христа Спасителя Всероссийским, первым после 1917 года, крестным ходом «Под звездой Богородицы». 8 лучей – крестных ходов со всех сторон матушки России соединились тогда в Москве. По Божьему промыслу – один из лучей этого хода был с Алтая, из Барнаула. И шла с этим лучом моя Н. Много рассказала она мне тогда об этом, я видела, как она изменилась, какие события последовали в ее жизни. Захотелось и мне тогда быть похожей на нее, испытать себя и узнать лично: что же это такое – Крестный ход.

Тот первый для меня крестный ход закончился печально – тем, что я еле-еле доползла до Шадрино и почти полностью обезножила. Тогда меня довели до дома (вернее, до автобусной остановки) добрые люди, а вот добраться до своего подъезда оказалось просто мукой – я почти в голос кричала от нестерпимой боли, ковляла, держась за деревья, лавочки, углы магазинов. Родная моя матушка, присматривавшая за моими малышами у песочницы, не узнала меня, приняв за нетрезвого бомжа. Все это было 7 лет назад.

Думаю, теперь понятно, что больше о крестном ходе я и не помышляла, и в свой первый (17-й по счету) Крестный ход я не собиралась в течение года совершенно. Да, я слышала, начиная с весны от знакомых прихожан нашего Александрo-Невского храма, что «вот-вот – и Крестный ход!» И произносились эти слова так, будто впереди их ждала Пасха Христова – не менее! Причем чувствовалось, что Крестный ход для них – не просто туристическое мероприятие, уж очень глаза у них при этом сияли каким-то необычайным светом. Я слушала спокойно – ну куда мне, матери четырех детей, младшему из которых 3 годика, с моими уже (увы) неизбежными в 46 лет хворьями куда-то идти? Вернее, знала куда, понимала, что это необыкновенно важно для любого христианина – паломничество в Крестном ходу, но преследовала испуганная мысль: «Я не дойду!» Параллельно с этой появилась и другая: «Мне нужно идти, я просто обязана идти в Коробейниково, к матушке Богородице!» Эти две мысли не давали мне покоя на протяжении почти месяца перед крестным ходом. Вокруг меня в это время набирал обороты какой-то чудовищный по своей интенсивности жизненный ритм, круговорот всяких событий: одна из дочерей заканчивала начальную школу, старший сын защищал диплом в институте, и решалась его дальнейшая карьерная судьба, мне постоянно кто-то звонил, от меня всем чего-то было нужно. Было ощущение, что я оказалась в эпицентре какого-то информационного вихря, и мне не выбраться из него просто так. Меня просто разрывало изнутри: «Идти, или нет?» Я не говорила никому кроме мужа и рабы Божией Н. (опытной крестоходовки моей!) о своем желании пойти. Мой добрый супруг, выслушав и подумав, сказал: «Что бы я не сказал, все равно ведь пойдешь?» И – отпустил, взяв на себя заботу о всем нашем семействе, забрав их с собой в деревню. «Ни о чем не беспокойся, только себя береги!» Таким образом, тыл мне был обеспечен, но – (позже мне многие опытные крестоходцы говорили, что и у них такое бывает перед Крестным ходом) стал на меня нападать нешуточный страх, да такой жуткий, что я, грешница, начала молить-

ныть: «Ой, Господи, уж пусть что-то случится что ли, только бы не пойти!» Дошло до того, что (особенно в утро выхода Крестного хода из города) я стала ощущать какую-то просто физическую неизбежность предстоящего пути. Такое чувство я испытывала только в предродовой палате, когда приближается час «х» и отступать некуда, идти можно только вперед, без вариантов, сзади ничего нет. Только в роддоме меня ждали мои детки, уже приготовившиеся появиться на свет Божий, а сейчас меня ждала впереди — сама Матерь Божия! Нужно было теперь не испугаться сделать первый шаг вперед. Моя родная Н., видя мои душевные терзания, тихо как-то сказала: «Если не пойдешь в Крестный ход, не попробуешь хоть немного пройти — точно будешь жалеть о несоделанном. Ну будет невыносимо трудно, там автобус подвозит, на дороге не бросят умирать». «Ага! — пробовала я ныть. — Все будут идти, и как это я залезу в автобус, в котором только детки со старушками, и поеду? Стыдно как-то!» На что получила успокаивающий ответ: «У каждого свой крест! Кто-то идет 1 км, кто-то — 30. Больше того, что сможешь снести, Господь тебе не даст!»

Эти немногие слова утешения-предупреждения — напутствия решили все. Была поставлена жирная точка в моих колебаниях. Спаси Господи и мою добрую куму, р.Б.Е., прихожанку нашего храма, тоже имеющую опыт в крестных ходах, давшую несколько мудрых советов и ответившую на огромное количество моих каких-то диких вопросов.

Спальник взят, коврик есть, аптечка с набором лекарств (недаром я — мать фармацевта) готова. Все есть. Лекарств даже больше, чем нужно для себя самой. Приготовила даже уж совсем редкие лекарства, вдруг кому-то станет плохо? Ну, просто, «скорая помощь» на ногах.

Удивительно, но как только я произнесла вслух: «Я завтра иду в Крестный ход!», мне стало вдруг легко-легко, тихо, спокойно на душе. Сбиралась, молилась, укладывала вещи. В квартире вот уже сутки я была одна — это, наверное, была первая, реально ощутимая милость мне, грешной Елене, от Бога.

Иначе — ну, как тут собраться, когда — полна горница людей: тут и поют арию Кармен во весь голос, и повторяют на пианино какие-то тяжело переносимые этюды, и решаются глобальные вопросы по ремонту автомобиля, и танцуют на пуантах, и обнимаются — дерутся — целуются — обзываются — мирятся — и опять все снова...

Итак, все готово, даже с лихвой... «Господи! А благословение духовника — то?» Для меня это сейчас важно очень. Четко верю и понимаю — не благословит

батюшка (а ведь бывает у других людей такое) — и все — конец моим гамлетовским терзаниям: «быть или не быть?» А уже близится вечерняя служба, жара дикая, иду пешком, хотя всегда балую себя трамвайчиком. Но — ведь надо привыкать к пешей ходьбе, ведь впереди-то — ой-ой-ой сколько! Забегаю в наш Александро-Невский храм. Народу уйма, понятно — завтра ведь многие идут провожать Крестный ход хоть до кардона. Ну где же батшка? Нет моего духовника! «Ну хоть кто-нибудь, Господи!» — мечусь я, глупая, по храму в поисках священника. Вот наконец и служащий священник, его тут же «захватили в плен» наши старушки, берут благословение, о чем-то спрашивают. «Ой, ну что это такое? Мне-то важнее», — грешу я тут же мысленно. «Батюшка, — уже просто воплю я, — благословите меня пойти в Крестный ход!» До службы секунды остаются, и батюшка уже на стартовой позиции — вот-вот вырвется и убежит в алтарь. Но мои слова, произнесенные уже какой-то скороговоркой-воплем, привели к следующему: батюшка вдруг как-то остановился, глянул на меня и очень четко, с каким-то нажимом произнес: «Благословляю пройти ВЕСЬ Крестный ход». Он уже спешил в алтарь, а я все стояла и не могла поверить своим ушам: меня благословил священник! Мне идти весь Крестный ход. И для меня (так подумалось вдруг) крестный ход уже начался! Отступать больше некуда!

Бессонная практически ночь... Будильник на 7.00... Собираюсь, вызываю такси (боюсь не донести вещи до автобуса), вроде бы и немного нужно, а набралась целая куча.

Молюсь, от волнения сердце стучит сильно-сильно. В голову лезут какие-то глупые мысли типа крылатой фразы из пресловутого фильма «Бриллиантовая рука» «наши люди в Крестный ход на такси не ездят!» Окидываю взглядом какую-то притихшую уже квартиру свою. «Господи, благослови!» Выхожу из дома, укладываю свой скарб в такси, еду. Мой молитвенный настрой прерывает голос водителя: «Вам куда, в Покровский собор?» «Да», — односложно отвечаю я, уже внутренне собравшаяся, не хочется ничего говорить, отвлекаться на мелочи. Сложно объяснить, но для меня уже Крестный ход начался. Он идет в душе, в каждой клеточке моего тела, в голове какая-то сосредоточенность, концентрация всего-всего. И опять новая мысль, неожиданная и даже пугающая «А ведь я уйду на битву!» Смысл ее начну понимать немного позже; чувствую, что с этих минут Крестный ход (хоть он еще и не начался по времени барнаульскому) уже идет. Он

идет, мой первый семнадцатый Крестный ход! И я не имею права даже на малейшую ошибку. Чувствую себя с одной стороны каким-то новичком — желторотиком - новобранцем. С другой стороны — не важно кто я. Ведь мне предстоит идти и с известными в нашем городе людьми: прихожанами, священниками, монашествующими, с духовными «генералами», или просто, как говорят в народе, «духовными богатырями».

Мои размышления прерывает очередной вопрос водителя: «А ведь сегодня идет Крестный ход! Вы, наверное, туда?» Приятно, что люди знают о Крестном ходе: «Туда!» Стараюсь и далее быть немногословной. Но водитель, пожилой уже мужчина, сетует о своем: о ценах на бензин, правительстве... У всех — свои заботы. Подъезжаем, вернее, пытаемся подъехать к храму. Машины, народ, ГАИ — все как-то бурлит — шевелится — собирается-снаряжается. Выхожу из такси, благодарю водителя, и неожиданно даже для себя вдруг спрашиваю имя таксиста. «Витя», — смущенно-неловко произносит он. Не «Виктор», не какой-нибудь «Виктор Семенович», а просто, как в детстве далеком представлялись мы, ребятки, друг другу — «Витя». «Удачного дня! Помогите Вам, Господи!» — желаю ему. «Спасибо», — слышу в ответ. Ему, Виктору, вернее рабу Божию Виктору, уже некогда, нужно как-то выезжать аккуратно отсюда, а это не так-то легко, особенно под пристальным взглядом зорких представителей ГАИ. Хорошо, что успела спросить крещен ли Виктор. «А как же!» — с какой-то нескрываемой гордостью произносит он. Слава тебе, Господи, что такой, в недавнем еще прошлом небезопасный вопрос, вызывает такой ответ. И опять в голове появляется четкая мысль (в дальнейшем в течение всего Крестного хода будет всегда происходить так — появляется некая потребность, которую непременно нужно исполнить, и не просто сделать что-то и забыть, а жить и помнить об этом). И я тут же, у ворот нашего старинного храма, начинаю молиться о ПЕРВОМ человеке — христианине Викторе, появившемся в моем ПЕРВОМ Крестном ходе: «Господи, помоги, рабу Божию Виктору!»

Захожу в церковную ограду. Лицо горит, всю потря-

хивает какой-то нервной дрожью: вот-вот начнется Крестный ход! Подхожу к грузовику(уже второму), грузить все свои пожитки. Первый грузовик уже забит до отказа, народ штурмует следующий. «Брат, помогите пожалуйста», — прошу я какого-то парнишку поднять и забросить вещи. И тут же удивляюсь: БРАТ — первое слово, вроде и обычное в обиходе, но совсем уже необычное в нашем мирском общении. Понимаю, что мирское мало-помалу отходит, отступает, а мир духовный все приближается, и мне почему-то хочется улыбаться и радоваться первым крупинкам благодати, которые как бы авансом, уже присылает нам, крестоходовцам, Господь.

Провожая взглядом свою бордовую сумку с карематом и спальником, с ленточкой-меткой (посоветовала моя Н., чтобы легче искать на стоянках свои вещи). На ленточке надпись — «газпром». Почему-то вспоминается реклама: «Мечты сбываются. Газпром». Мечты... А у меня-то есть мечта? Что-то не знаю. Слышала, что многие люди идут в Крестный ход с какой-то своей болью-просьбой ко Господу, чают исполнения самого заветного желания, молят о выздоровлении от серьезной хвори, о рождении деток, разрешении одной из наиболее актуальных проблем нашего времени — даровании второй половинки — супруга или супруги на всю жизнь. И точно знаю, у многих крестоходовцев исполняется все самое заветное. Да, потрудиться предстоит серьезно, по прошествии 40 дней начинаю чуть-чуть осознавать насколько ВСЕ в Крестном ходе серьезно. Но ведь и награда, я говорю не столько о получении желаемого, сколько о той благодати, о которой только читали в духовной литературе, — велика! Я не знаю, что мне нужно просить у Бога, если по мелочам земным — так это можно тетрадку исписать с пожеланиями, чего мне нужно и в духовном, и в душевном, и в физическом плане. Решаю просто: буду идти, буду молиться о всех нуждающихся в молитвенной помощи. Я буду стараться, буду учиться в пути, и — будь, что будет!

Продолжение следует

**Р.Б. Елена,
прихожанка Александро-Невского храма.**

фото Е. Мутовкиной

ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ

«Нет большей радости, чем пройти весь путь...»

Наша молодежная (приходская) организация «Невские» в составе семи человек в этом году прошла с Крестным ходом к Алтайской святыне — Коробейниковской иконе Божией Матери. 7 дней пути духовно сблизили всех нас.

В дороге мы познакомились с молодежью из Междуреченска, Новосибирска, Горно-Алтайска. Многие опытные крестоходовцы говорили, что сердце их радовалось от большого количества молодых людей идущих рядом. Батюшки, сопровождавшие молодежь, наставляли нас духовно и поддерживали морально.

С молитвой Господу Иисусу Христу весь путь пролетел для нас как одно мгновение. Стройный хор сестер регентского отделения духовной семинарии вдохновлял путников на пение молитвословий, соборную молитву, чтение акафиста Коробейниковской Иконе Божьей Матери.

В этом году, Епископ Рубцовский и Алейский Роман прошел большую часть пути Крестного Хождения с паломниками, служа нам примером терпимости всех трудностей, постигших паломников в пути.

В г. Алейске епископом Романом была совершена первая Божественная Литургия в воинской части, все служащие имели возможность приложиться к святыням и принять Святыне Дары.

Были небольшие изменения в остановках маршрута. Жители села Белояровка, впервые приютившие путников на ночлег в своем селе, провожали поутру крестоходовцев с благодарными слезами на глазах.

Запоминающимся стал радушный прием в с. Усть-Пристань. Странников ждали на территории строящегося храма св.праведного Иоанна Кронштадского заранее сооруженные силами молодежной команды душевые кабинки, холодная питьевая вода из святого Источника. Оборудованный помост для творческого вечера не оставил равнодушными выступающих. После концерта все были приглашены на занятия киноклуба с просмотром фильма «Усть-Пристань. Возрождение». Настоятель храма еиромонах Никандр (Речкунов) с молодыми прихожанами, рассказали об истории села, архитектуре сельских построек, об экономическом развитии и становлении села и духовно-нравственном расцвете.

В с. Елбанка прошел традиционный молодежный футбольный матч. Крестоходовцы одержали уверенную победу.

Благодарим Барнаульскую Епархию, руководителей Крестного хода, людей, трудящихся поварами, водителями за большой труд в организации душевного мероприятия.

Нет большей радости, чем пройти весь путь и принести благодарность и молитву за родных и близких, за весь наш Алтайский край Матушке Богородице перед ее чудотворной Иконой. Слава Богу за все!

Е. Семакова

КАК НЕ ПОТЕРЯТЬ ДОМАШНЮЮ ИКОНУ

Беседа с реставратором Виктором Капитанчуком

Виктор Афанасьевич Капитанчук по образованию химик (окончил химический факультет МГУ) и именно как химик в 1971 году был приглашен на работу в Научно-реставрационный центр им. академика И. Грабаря, где проработал почти 20 лет. А потом Божиим Промыслом был приведен к отцу Артемию Владимирову в храм в Красном селе. Здесь он проработал 21 год как иконописец и реставратор, заведующий иконописной и реставрационной мастерской. Как профессиональный химик, практик-реставратор и художник-иконописец, он знает многие секреты икон: как обращаться с иконами и ухаживать за ними, что делать, если образ уже поврежден, и чего делать ни в коем случае нельзя.

— В ваши руки отдавали иконы, которые пострадали от неправильного обращения. Какие элементарные вещи надо знать владельцу написанной иконы, чтобы ее не испортить?

— Никаких жестких воздействий: растворителей, чистящих средств.

Очень вредно, когда икону чистят, не снимая оклада. Чистящие средства забиваются в щели, каменеют, их потом трудно удалить.

Максимум, что может человек делать дома, — удалять пыль ваткой, тряпочкой, салфеточкой. Не мокрой, а влажной. Со всеми остальными проблемами лучше идти к реставратору.

Обычно иконы темнеют из-за осаждения копоти, жирной. В крайнем случае можно и дома удалять жирные наслоения — детским мылом, потому что оно не щелочное.

— А если икона начинает осыпаться?

— По традиции иконы пишут на доске. Доски даже столетия спустя — живые, нестабильные, реагируют на влагу. За исключением очень смолистых досок. Мне приходилось реставрировать иконы, которые «повело», и они стали выпуклыми или даже вогнутыми. Исправить это сложно. Или при высыхании доска «садится», как ткань после стирки и сушки. А это приводит к вздутиям и осыпям левкаса.

Нужно выбирать такое место для иконы, чтобы были минимальные колебания температуры и влажности. Отчего случаются колебания? Летом идут дожди. Зимой сильно высыхает воздух в квартире. Открываем форточки, мороз «тянет влагу» из квартир.

После дождя сквозняк может икону попортить. Поэтому не надо вешать икону там, где сквозняки.

Не надо вешать там, где падают прямые лучи солнца, иначе будут большие колебания температуры, икона начнет выкрашиваться. Систему отопления в комнате тоже приходится учитывать, когда подыскиваешь место для иконы.

И еще не надо иконы мазать маслом! Со временем в икону пыль въедается, она мутнеет, люди к

празднику протрут подсолнечным маслом — икона ярче становится. Заиграла. А потом на нее опять села пыль, стало еще хуже.

Подсолнечное масло — невысыхающее. Льняное масло, которое используют в живописи, через три дня высыхает. Но и его не надо лить, потому что оно темнеет.

— *Потемнение иконы относится к числу классических проблем.*

— Иконы покрывали олифой — это вареное льняное масло. При старении идут процессы полимеризации и окисления. При этом образуются хромофорные группы (окрашенные), за счет чего олифа со временем темнеет (помимо потемнения из-за копоти).

Под действием ультрафиолетового излучения солнца хромофорные группы разрушаются. На Руси это явление знали. И в марте, когда солнце наиболее жесткое, иконы выносили из храма на солнечный свет. Так иконы высветлялись.

Состав олифы старинной до конца не известен. Ясно, что в ней было льняное масло. Но мастер мог добавлять и еще что-то, плавленный янтарь например.

— *Что еще нам надо знать по реставрации икон?*

— Иногда икону отдают на реставрацию «знакомому художнику». Мне попадались целиком записанные плохим художником иконы. Это не реставрация. Я смывал верхний слой, под ним открывалась приличная иконопись.

— *У меня икона была, из которой шпонка выпала. Шпонка ведь препятствует выгибанию доски. Как к этому относиться?*

— Чтобы предохранить иконы от коробления, врезали шпонки с обратной стороны иконы. После XVII века шпонки стали врезать в торец. Если шпонка сделана плохо, то напряжения такие большие, что шпонка вылетает. Это хорошо. Коробление доски всё равно идет, но шпонка в процессе уже не участвует. Если шпонка сделана надежно, не вылетает, то она может разорвать доску.

Доска сохнет быстрее с тыльной стороны. Потому что с лицевой стороны положен левкас, он играет роль влажностного барьера.

— *От этого икона становится «выпуклой».*

— Да. Большемерные иконы делают из нескольких досок, которые по-разному могут вести себя при высыхании. В Третьяковке я видел икону: одна половина плоская, а другая — полубочкой.

— *Каждая доска иконы своей жизнью живет.*

— Своей жизнью... Бывают еще повреждения такие: плесень съедает связующий клей в левкасе, и левкас начинает рассыпаться. Дунешь — он пылит. Это трудная ситуация, требуется специальная методика пропитки яичной эмульсией или жидким клеем.

Хуже всего, если владелец иконы начинает сам ее укреплять. Потому что процесс укрепления иконы — самый опасный. Даже опаснее, чем расчистка.

Есть «умельцы» расчищать икону чрезвычайно жестко. Они нашатырным спиртом или ацетоном расчищают и... смывают краски.

Если икона начала шелушиться, то другие «умельцы» ее укрепляют каким-нибудь синтетическим клеем, например ПВА. Корпускулы этих клеев очень крупные, они в глубину левкаса не проходят и создают на поверхности левкаса пленку, которую просто так не снимешь. Пленка эта очень прочно связывается с олифой и красочным слоем и удаляется — вместе с ними.

Вообще расчистка иконы должна начинаться с протирки слабым во-

дным раствором детского мыла.

Я это не всегда делал, и зря.

Важный момент для правильного хранения иконы: надо стремиться к тому, чтобы икона была в киоте. Он защищает икону от копоти, от пыли, от сквозняков и даже от температурно-влажностных колебаний.

Все эти разговоры: «Передавать ли Церкви ценные старинные иконы? Не пострадают ли они?» — чушь. При современной технике икону можно так запечатать, что ей в храме никакие внешние воздействия не страшны. С другой стороны, у нас в музеях иконы подчас хранятся жутко. На одной конференции хранитель рассказал, как у них прорвало канализацию, и

сотрудники ведрами воду выносили из хранилища икон.

Везде следить нужно за иконами.

— *Последний вопрос: горящая лампада и живые цветы перед иконой какое-то воздействие на нее оказывают?*

— Думаю, малосущественное воздействие. От лампады, которая на расстоянии 15 см висит, проблем не будет. А вот когда горящие свечи ставят перед иконой и они на икону падают... С этим тоже приходилось работать.

— *Спасибо вам за напоминание очевидных вещей и еще за те сведения об иконах, которые совсем не очевидны.*

**Беседовал
Диакон Павел Сержантов
Православие.ру**

Алекса́ндро-Невский вѣстникъ

СВЕЧА

АНАТОЛИЙ ГРЕБНЕВ

Зачем иду я, просветлённый,
Среди большой толпы людской
И за крестом, и за иконой —
С любовью, верой и тоской?

Зачем я вглядываюсь в лица,
Как будто я хочу узнать
Родного брата, иль сестрицу,
Иль похороненную мать?

Зачем я слушаю молитвы
И подпевать стараюсь им?
И чувствую, что все мы слитны
Единым сердцем — вместе с Ним...

А ночью лес в цветущих кустах
На откуп отдан соловьям.
И голубой июня купол
Объял природы светлый храм.

И пусть заброшенный просёлок
Таит церквей немую сень,
Полуразрушенные сёла
И боль забытых деревень.

Смотри на крест, шагай за другом,
Среди людей своих дыша,
Преображается округа,
И возрождается душа!

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина.

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81. Без ограничения по возрасту.
E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 09.09.15. Выход по графику 26.07.15
Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.